

Что такое политическая философия

Александр Пятигорский

Цикл лекций известного философа, профессора Лондонского университета, посвященный осмыслению ситуации человека во власти. Острая интеллектуальная провокация, цель которой – возмущение политического мышления и политической культуры.

ПОЛИТУЧЕБА

К чему приводит общее снижение уровня политической рефлексии?

Например, к появлению новых бессмысленных слов: «урегулирование политического кризиса» (ведь кризис никак нельзя урегулировать), «страны третьего мира», «противостояние Востока и Запада». И эти слова мистифицируют политическое мышление,

засоряют поры нашего восприятия реальности. Именно поэтому, в конечном счете, власть может нам гадать.

Работу с мифами политического мышления автор строит на глубинной калуске и сюжетов. В книге вы найдете меткие замечания о работе экспертов, о политической воле, о множестве исторических персонажей.

Александр Моисеевич Пятигорский

Что такое политическая философия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006105

Что такое политическая философия: размышления и соображения.

Цикл лекций: Европа; Москва; 2007

ISBN 978-5-9739-0125-7

Аннотация

К чему приводит общее снижение уровня политической рефлексии? Например, к появлению новых бессмысленных слов: «урегулирование политического кризиса» (ведь кризис никак нельзя урегулировать), «страны третьего мира», «противостояние Востока и Запада». И эти слова мистифицируют политическое мышление, засоряют поры нашего восприятия реальности. Именно поэтому, в конечном счете, власть может нам лгать. Работу с мифами политического мышления автор строит на изобилии казусов и сюжетов. В книге вы найдете меткие замечания о работе экспертов, о политической воле, о множестве исторических персонажей.

Содержание

Предисловие	4
Лекция 1	8
План лекции	8
Краткое содержание	10
Часть 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Пятигорский

Что такое политическая философия: размышления и соображения.

Цикл лекций

Предисловие

What are the consequences of a general decrease in the level of political reflection, which is to blame for the appearance of such senseless new expressions as: political crisis management (how on Earth can a crisis be managed?), Third World countries, East-West confrontation etc. Such expressions mystify the political thinking and clog the pores of our perception of reality. This is precisely why, in the end, the power is able to lie to us. The author builds his analysis of the myths that dominate the political thinking on a rich collection of anecdotal evidence and intrigues. In this book you will find shrewd remarks on the work of experts, political will and a great number of historical personae.

Политика, политическая деятельность являются прежде

всего объектами мышления, философской мысли. Так повелось со времен Аристотеля и Платона – с тех пор они как объект осмысления постоянно находятся в поле зрения философов и рефлектирующих политиков. Пожалуй, с середины XIX века философский интерес к политическому мышлению стал угасать, оказался вытесненным вульгарной политической активностью и распространением экономизма. В то же самое время посмотрите вокруг – количество политических мемуаров достигло небывалой величины, что говорит о прорывающейся на поверхность рефлексии политических деятелей, связанных метафизической ответственностью, но, с другой стороны, продолжается погружение политики в экономику, а вместе с ней и вульгаризация самой политической деятельности.

Однако пришло время восстановить метафизическую справедливость и вернуть политическое мышление в лоно философии. В чем же сложность такого шага? В одной простой причине: не все рефлектирующие и философствующие могут выделить объект политического мышления. Полагаю, что у читателей нет серьезных сомнений в том, что политическая деятельность напрямую связана с мышлением, которое А.М. Пятигорский в текстах лекций именуется политической рефлексией, поскольку если такие сомнения есть, то чтение текстов лекций – пустая трата времени. Философа Пятигорского интересует, увлекает только проблематизация политического мышления. Пятигорский не делится на-

блюдениями за политической жизнью, которые составляют критическую основу для всех политических дискуссий как в России, так и вне ее. Это удел консультантов и экспертов, тех, кто мечтает быть включенным на любых ролях в политический процесс или в то, что они им называют. Он устремляет силу своего мышления и темперамента в пространство субъективности политического деятеля, сутью которой является мышление.

А.М. Пятигорский определил цель спецкурса как воспитание политического мышления слушателей, от которых требуется, во-первых, живой интерес к политике, а во-вторых, хотя бы чрезвычайно суженный минимум знаний в области политической теории и политической истории. Политика в лекциях фигурирует одновременно как область знания и область практического применения этого знания на всех возможных уровнях социальной, экономической и культурной деятельности слушателей как потенциальных деятелей и мыслителей. Таким образом, педагогическая задача курса – это прежде всего повышение уровня политической культуры.

В основу содержания лекций положена работа с ключевыми понятиями, определившими уходящую политическую эпоху, а именно: «абсолютное государство», «абсолютная революция» и «абсолютная власть».

Теперь, по прошествии некоторого времени, можно сказать, что реакция слушателей и обсуждение лекций на сай-

те «Русского журнала» продемонстрировали всю сложность преодоления устоявшихся стереотипов. Во-первых, в воздухе постоянно висел вопрос: «А какое все это имеет отношение к политике?». Действительно, где же за последние десятилетия можно было философствовать о политике, а тем более участвовать в сколь-ко-нибудь последовательной дискуссии на эту тему? Во-вторых – переполненность политического пространства иллюзиями как артефактами несостоявшегося политического мышления. Возможно, для кого-то прочитанные и проработанные лекции станут первым шагом к избавлению от иллюзий, шагом к освоению политического мышления.

Олег Алексеев

Лекция 1
Философия и
политическая философия
8 февраля 2006 года, РГГУ,
Есенинская аудитория

План лекции

(0) Философия и философствование. Политика как специфический предмет нескольких научных и квазинаучных дисциплин (например, политологии). Политика как неспецифический предмет философии (у философии нет своего предмета) и случайный возможный объект философствования. Неподготовленность (точнее, «неприготовленность») политики в качестве объекта философствования. Философствованию приходится сначала «сверху» сконструировать (не реконструировать) политику как свой объект посредством редукции бытовых, идеологических и мифологических понятий нынешнего политического мышления и терминов современного политического языка. Необходимость введения иных онтологических определений и особых методологических позиций.

(1) *Политическая рефлексия – особый и единственный объект в политической философии, к которому редуцируются и в смысле которого истолковываются все политические феномены (такие как политическое действие, политическая деятельность, язык политики, политик и т. д.). Политика как политическая рефлексия. Политик как субъект политической рефлексии.*

(2) *Субъективность политической рефлексии.*

(3) *Фрагментированность субъекта политической рефлексии. Индивидуальная воля – основной фактор фрагментированности субъекта политической рефлексии. Субъект политической рефлексии индивидуален не в своем противопоставлении коллективу, группе или массе, а только в качестве носителя фрагмента (версии, флуктуации) политической рефлексии.*

(4) *Соотношение понятий субъективного и психологического в политической философии.*

Краткое содержание

ЧАСТЬ 1

Предмет философии – политическая рефлексия – субъект политической рефлексии – «надо это устроить» или «все дело в деньгах» – экономическое думание о политике – субъективные мотивационные элементы в политике – антиисторизм и политическая память.

Вопросы.

ЧАСТЬ 2

Фрагментированность и неопределенность субъекта политической рефлексии – воля – класс дисциплинированного мышления.

Часть 1

Дамы и господа! Во-первых, я вас очень прошу согласиться с моими тремя условиями, выполнить мои три просьбы. Первое: прошу вас ничего не записывать. Второе: прошу вас по возможности из того, что я говорю, ничего не запоминать! Просто думайте, и этого будет более чем достаточно: это самое трудное – думать. И третье условие: прошу вас немедленно меня прерывать и спрашивать, если вам что-то непонятно по теме лекции или непонятны какие-то употребляе-

мые в ней слова и термины. Поднимайте руку и прерывайте! Копить вопросы к концу лекции – так это я забуду, о чем я говорил, и вы забудете, о чем хотели спросить, гораздо эффективнее более динамический режим лекции.

Не помню, чтобы в моей жизни был случай, когда времени было достаточно.

Что такое политическая философия с моей точки зрения (а у меня нет никакой другой, так что не обессудьте)? Дело в том, что философия, как я ее понимаю, не имеет и не может иметь своего конкретного специфического предмета, или это будет не философия, а наука. Философия в принципе – и это блестяще понимал Лейбниц (хотя это прекрасно понимал и Спиноза) – занимается не предметом, каков бы он ни был, а *мышлением о* предмете. Философия постигает свой конкретный предмет, любое конкретное содержание только через мышление о нем, собственное мышление философа прежде всего. Философ – это философствующий сначала над своим собственным мышлением и только потом – над тем, о чем он мыслит, и над другими мышлениями.

ВОПРОС: А не может быть мышление о предмете предметом философии?

Это и есть единственный предмет философии! Другого у нее нет. В принципе, что бы ни осмыслялось, философия

включается в эту игру только со стороны осмысления этого «чего-то», а не со стороны «чего-то», поэтому философ – позвольте, я иногда буду переходить от слова «философия» к слову «философ» – может философствовать о **чем угодно** в принципе. Поэтому я и говорю, как привык говорить на любой лекции по философии: философия не имеет своего конкретного специфического предмета и может мыслить через мышление о любом предмете. Отсюда **произвольность** содержательного поля философии. Отсюда же и случайность чьей-либо нужды в философии или – простите мне этот омерзительный вульгаризм – «востребованности» философии или философа.

Запомните это до конца своих дней: философ никому не может быть нужен.

В данном случае, когда я говорю, что буду говорить о политической философии, *что* явится предметом философии? Не политика, *а мышление* о политике. Другой политики нет, кроме политического мышления – твоего, моего, их, талантов, бездарностей, умных, дураков, кого угодно, но – *мышления*. Политики как отчлененного, систематологически выделенного предмета типа молекулярной физики или кристаллографии *не существует*. И это, между прочим, прекрасно понимал один из первых философствующих о политике – ну, скажем так, второй – Аристотель. То есть политику вы не вы-

нете из кармана и не положите на стол. Политика – это пустая абстракция без уже организовавшего политическое мышление минимального сознательного подхода.

Я не любитель ссылок и сносок, как в своих книгах и статьях, так и в жизни. Ведь мы уже, слава богу, выходим из периода безумия по поводу приоритета: «это я сказал первым». Разве есть большая честь для думающего, чтобы его цитировали и ссылались – значит, он уже живет в других мышлениях. Поэтому то, что я цитирую, я цитирую как уже мною осмысленное, отрефлектированное.

Перехожу к следующему шагу своего предварительного рассуждения. Значит, говоря о политике, я буду говорить о «мышлении о политике», которое условно будем называть политической рефлексией (термин не хуже и не лучше другого), из которой только мы и узнаём о политике. Как говорится в одной чудной американской пьесе, где даму спрашивают:

– А, кстати, чем занимается твой муж?

– Как чем, политикой!

– А-а, значит, он один из тех же жуликов и бездельников в upstate New York.

Она говорит:

– Ну, он думает, что он занимается политикой.

Значит, она произнесла это слово «политика»! И, видимо, он – этот, разумеется, обманутый муж, как все мужья в пьесах и нередко в жизни, – он произнес это слово? Так мы делаем второй шаг: политика – то, что человек в своей речи и мышлении *называет* политикой. И не будем его за это критиковать.

Вы можете тут же сказать: какая же это политика, то, чем занимается ее муж? Жульничество! Лучше бы скот продавал в штате Мичиган. Вот тут я должен быть жестким – это уже не наше дело. Запомните, мы употребляем слова, которые не мы выдумали, они исторически существуют. Они могут быть полной чушью, полной ерундой, но слово уже, как говорил Людвиг Витгенштейн, закреплено в практике естественного языка. А если это не нравится, он говорил, тогда, пожалуйста, давайте пишите другой словарь, а пока вам приходится заглядывать в существующие словари. У Витгенштейна были страшные семинары, он так наставлял студентов: «Не понимаешь слова? Вон словарь стоит. Открой, найди слово». Студент возражал: «Так я же хочу разобраться по сути». И тут покойный Витгенштейн начинал ораторствовать: «Суть – это вранье, выдуманное шарлатанами, есть слово – используй его, говори, неправильное – исправь, не знаешь – опять посмотри в словарь». Поэтому я не буду заниматься анализом самого понятия «политика», я *буду заниматься только одним вопросом: что происходит в мышлении о том, что называется «политикой», или, как мы условно называем, в политиче-*

ской рефлексии. А без этой рефлексии политики и не существует.

Строго говоря, то, что мы называем политикой – это и есть политическая рефлексия, в которой мы оперируем разными понятиями, разными терминами. И все, что мы называем политической жизнью, политическими событиями, политическими актами – это то, что уже нашло свое место в политической рефлексии. Опять оговорка: как говорил мой давно покойный и любимый Василий Васильевич Розанов: «Господа, это пока все, пока положим, что будет так. А так это или не так – закончим семинар, – говорил он, – будем разбираться, а пока положим». И поэтому я начинаю с политической рефлексии.

Первое: о каком человеке, о каких людях мы говорим? Мы говорим о *субъекте* политической рефлексии. Субъект политики в этом смысле – это субъект политической рефлексии, о которой мы уже нечто знаем, мы уже выстроили какую-то предварительную, пусть самую элементарную и примерную, сетку. Ставим в верхнем левом углу в квадратик – «субъект политической рефлексии». И вот с ним нам будет разобратся очень нелегко. Допустим, это я – субъект политической рефлексии, я думаю о данной вещи. Вы мне, допустим, говорите:

– Очень плохо с транспортом в Москве с трех до шести часов.

Я могу на это ответить, как мне отвечал один полисмен в

Лондоне после того, как мы простояли в пробке два с половиной часа:

– Ну что делать, это – *политика*.

А я уже тогда начинал заниматься политическим мышлением, я говорю:

– Почему, сэръ? Почему это политика? Просто надо это устроить.

Я произнес три слова: «Надо это *устроить*» – из них два, кроме «это», относятся к политике. Первое – это «надо», а второе – «устроить». Ведь простой человек думает всегда так: «Надо на это дело – какое бы оно ни было – подкинуть денег и поставить умного человека». Так это же чистая политика! Тут начинается какая-то тайна: казалось бы, деньги – какое отношение они имеют к политике? Ну, кто-то даст денег. Но кто-то должен *захотеть* дать денег, а кто-то должен ему сказать: «Дай денег». И где тогда останутся наши бедные деньги? И по-прежнему люди недумающие будут повторять эту кретинскую фразу – «все дело в деньгах». Это же чушь! Неужели вы не понимаете, что это полная чушь, более того и хуже – это вульгарная чушь. «Все дело в деньгах», только если ты сам с собой об этом договорился и не хочешь сделать еще один мыслительный шаг: все дело в тех, пусть элементарных, а иногда и крайне сложных, *отношениях* людей, которые, начиная с Сократа, в описании Ксенофонта, чисто *политические*.

На следующей лекции мы перейдем к первому термину

политической философии – «политической власти». Но пока – кто-то должен захотеть дать деньги. А что делать, если он не захочет? Так, у него есть деньги, и тут же какой-то идиот говорит, что «это – экономика». Второй скажет, что все дело в желании или нежелании дать деньги, «а, да это психология». Где же здесь политика?

Мы, увы, всегда думаем, что это у нас всегда плохо, а где-то, наверное, всегда было и будет гораздо лучше. Чуть! Есть только одно место, где плохо – дефективное мышление людей – их упорное пожелание мыслить, – вот где плохо.

Перенесемся в 1933 год. В Соединенные Штаты, о которых замечательный немецкий экономист Штраус говорил, что они были «накануне революции». Это было преувеличение, но все же там было действительно плохо. Процент безработных – за критической чертой, сотысячные очереди за горячим супом в Детройте, Чикаго и Нью-Йорке, дети, у которых нет ни молока, ни сахара. И еще не пришедший в себя после первых административных, как в России любят это вульгарно называть, «проколов» президент Франклин Делано Рузвельт. Он устраивает совещание в верхах (что, опять же, может быть более вульгарным, чем слова «совещание в верхах»?). Сидят он и его старый друг Харри Хопкинс и полтора десятка людей, в кармане у которых ну если и не три

четверти, то две трети американских денег – всех денег, которые вообще есть в Америке. Все говорят: «Положение катастрофическое». Все, как всегда, ноют, разводят руками, и один из них, обращаясь к Рузвельту, говорит:

– Франк, что нам делать?

И Рузвельт говорит:

– Нужны *деньги*.

– Кто даст деньги?

И Рузвельт говорит:

– *Вы* дадите деньги!

Это экономика или политика? И вот тогда джентльмен, глава одной из двух самых могущественных мафий Калифорнии, говорит:

– А если не дадим?

А Рузвельт ему:

– Послушай, Джимми, что я могу с тобой сделать: у меня на тебя давно лежит дело, я могу прислать к тебе шерифа, прокурора, полицию, ты можешь получить пять лет, шесть лет, десять лет. Но, дорогой мой, пойми, если будет революция, *тебя убьют в первый день*.

– Так тебя тоже! – кричит ему глава мафии. Рузвельт говорит:

– Да! Тогда, по-моему, в этом нет никакого смысла.

Гораздо приятнее быть арестованным вежливым полисменом, чем быть затоптанным матросней с «Ав-

роры» на Невском проспекте, хотя я думаю, и то и другое не очень приятно.

И вот тогда поднимается один человек и говорит: «Мистер президент, эти люди никогда не смогут изменить свою психологию». «При чем тут психология? – говорит Рузвельт, – это чистая *политика*». Ведь *революция – это политика*. Ведь убийство всех толстосумов и богачей в Детройте, Денвере, Чикаго – это имеет какое-нибудь отношение «по содержанию», как любил говорить мой покойный друг Георгий Петрович Щедровицкий, к экономике? Нет! Залп с «Авроры» – которого, не хочу вас огорчать, по-видимому, не было – не имел никакого отношения к экономике. Это была чистая политика. И любые экономические обстоятельства апроприировались в политическом мышлении как политические. И все это сводилось к тому, что Рузвельт *думал* об экономике *политически*, а не как «Интернационал всех дураков в мире» думал о политике экономически. И вы знаете что – они дали деньги, огромные деньги. И вы знаете когда – через два дня! Все было – и объятия, и рукопожатия. И начались общественные работы, через четыре месяца количество безработных уменьшилось на 2 миллиона. Можете себе представить – в результате одного разговора. Какой был разговор? *Политический*. Но уменьшилось ли количество идиотов? Наверяд ли.

Когда я ругаю кого-то – я говорю только о его мышлении.

ВОПРОС: Получается, что все экономические процессы объясняются только политически?

Ни в коем случае. Оказывается, что любой экономический процесс в контексте политической рефлексии будет в данной ситуации осмысляться как политический. Обязательно ли? И вот на это ответ очень простой. А ведь так уже случилось. Уже недовольны люди. Они уже недовольны? Им мало платят, им нисколько не платят и все прочее? Так в момент негативной рефлексии меняется тема. Это уже не экономика. И когда человек говорит «я не хочу» – это политика. Это реализация его индивидуальной воли, уже прошедшей пусть через самый элементарно выстроенный кристалл политического мышления.

ВОПРОС: Получается, что политика – это всегда насилие? Это действительно насилие? Символическое или прямое физическое насилие?

Отвечаю. Ни в коем случае. Это всегда **думание**, которое иногда заканчивается насилием, в акте насилия. Или, давайте будем говорить сильнее, в акте уничтожения думающего или того, о ком он думает. Я думаю, это будет правильнее, чем насилие.

ВОПРОС: А не может быть наоборот? Что все-таки речь идет об экономике, которая как-то объясняется политическими причинами?

Понимаете, это ведь наш с вами выбор – думать о разных вещах, о заторе на Тверской сегодня – чисто экономически или политически. Я бы не думал ни экономически, ни политически (это полисмену, который подошел, хотелось поговорить; все-таки мука такая: сотни отчаявшихся полицейских пытались растащить автобусы в Лондоне). Это уже – как у нас пойдет дело. Это уже зависит от данной наличной ситуации, которую наша рефлексия будет экстренно апроприировать как политическую. То есть кто-то скажет: «На что смотрит этот идиот, мэр Лондона?» – он действительно идиот. «На что смотрит этот премьер, который привел этого идиота в раздражение?» – они враги, премьер и мэр Лондона. А это уже разговор, к экономике не имеющий никакого отношения. Кто на что смотрит, раздражение, враг, друг – имеет это отношение к экономике? Никакого. Это **низовая терминология политической рефлексии.**

Второй и последний пример. То же время, что и рузвельтовское, – очень плохое время. С докладом к королю Георгу приходит лорд Халифакс. Букингемский дворец. Огромное окно. Стоит король в халате, подзывает к себе премьера и говорит: «Подойдите к окну, что вы видите?». За окном очереди безработных и бездомных, их количество действительно

доходило в Лондоне до миллиона человек. Печки, суп, хлеб раздают, сахар детям. Можете себе представить? В Лондоне! Роскошные парки, все это великолепиие. Король смотрит и говорит:

– Посмотрите, что вы там видите?

Лорд Халифакс пожимает плечами и говорит:

– Как всегда – очередь безработных за супом и хлебом.

Тогда Георг ему говорит:

– А вот теперь слушайте: если я буду это видеть еще один месяц, я вступаю в коммунистическую партию, идите вы все к черту, а я – ленинец.

Это *король* говорит. Вы можете себе представить любого русского царя, даже самого лучшего, который бы так сказал своему премьеру (опять вопрос политический)? И Халифакс говорит:

– Послушайте, но это же непростительное преувеличение, это истерика, ваше величество.

Тот говорит:

– Это не истерика, но просто в отличие от вас я *люблю* свою страну и люблю свой народ – и пропади все пропадом.

Хороша беседа, а? И вот эта последняя фраза – с моей точки зрения – абсолютно политическая. Имеет это отношение к экономике, к бирже, к катастрофическому положению Великобритании еще до начавшегося развала Британской колониальной империи? Нет. И оказывается, что в определенных ситуациях мотивационные, эмоциональные и другие субъек-

тивные элементы начинают играть роль, превышающую роль всех других элементов, моментов и факторов. Не правда ли? А, так сказать, идиоты всех стран говорят: «Да нет, давайте посмотрим курс акций на Нью-Йоркской бирже в этот день, давайте посмотрим Амстердам, посмотрим Гамбург, как там показатели Доу-Джонса», – не понимая, что могла возникнуть ситуация, когда бы уже эти биржи горели синим пламенем, да?

ВОПРОС: А когда 7 ноября 1941 года Сталин выступил с трибуны Мавзолея перед войсками, уходящими на фронт, – это из той же обоймы?

Разумеется. Это был абсолютно необходимый политический акт, вытекающий из абсолютно четкой чисто политической рефлексии, при том что он был человеком, **крайне мало** говорящим (об этом свидетельствовал Поскребышев). Это отжатая политическая рефлексия, как я говорю. Вот почему я начал с такого, я бы сказал, несколько эмоционального введения.

ВОПРОС: Мой пример из современности, российской действительности. Когда у нас была ситуация с компанией «ЮКОС», было заявление руководства страны, что с руководством компании все будет в порядке, в результате акции «ЮКОСа» взмыли и инвесторы на этом заработали. После этого компания

практически разрушилась, руководство посадили – была ли это политика?

Я должен сказать: то, что сейчас происходит в России, мне чрезвычайно мало известно, поскольку сейчас в связи с моими занятиями политической философией мое основное внимание устремлено на Рим I века до нашей эры и I века нашей эры. Гораздо интереснее. Вы сами знаете, **это** – политика. Я хочу обратить ваше внимание на один момент: Рим, начиная с гражданской войны и с разгрома Цезарем Помпея Великого и кончая смертью последнего Юлия Клавдия, то есть императора Нерона, – это уже не анекдот, это уже **наука**. Про короля Георга и Рузвельта – это анекдот. Почему? Потому что это систематически не отрефлектировано. Поэтому это фигурирует в области анекдота.

В чем отличие российской ситуации от римской ситуации, которую описывает великий историк древности Тацит (действительно великий историк был)? В том, что римский политический кошмар, который продолжался, грубо говоря, лет 70, был не только **осознан** как политический, но и **описан**. Это очень важно. Описан по крайней мере четырьмя историками. Это факт феноменальной важности. Дамы и господа, можете ли вы сейчас взять в руки маленькую книжку, в 300 страниц, или большую, в 3 тысячи (я об этом однажды Афанасьева спрашивал), «История России с 1917 по 1990 год»? Есть такая книжка? Нет. До сих пор в России нет политической истории России XX века, истории в смысле Тацита, ис-

тории в смысле Ключевского, и причины этого чисто политические. В каком смысле? В том смысле, что политическая рефлексия среднего русского интеллигента еще не прошла через стадию той концентрации, отжатости, в которой бы он мог взять и написать такую книжку. Он еще не видит этой политической истории. Или, вы можете сказать, – **не хочет.**

Давайте и в жизни и в науке гораздо чаще употреблять два выражения: «хочет» и «не хочет». Вместо того чтобы на десятке страниц говорить: «Тут сложилась чрезвычайно сложная ситуация, основными факторами которой...» – и прочий бред.

А вот, простите меня опять за параллели, за последние только десять лет – и никакой до этого не было перестройки или гласности – в Англии вышло шесть книг «Политическая история Англии» или «От Черчилля до Суэцкого кризиса». Это жалкие какие-то 20 лет, 16 лет – и уже шесть книг. Почему? Интересуются. На это устремляется их интеллектуальная энергия.

Когда я сказал одному очень почтенному профессору Московского университета: «Пошлите к черту все проблемы (он зав. кафедрой), сядьте за стол и пишите историю вашей страны, в которой вы живете», – он мне на это ответил: «Ну, знаете, это все слишком общо и расплывчато». Вы скажете – это болезнь. Нет – это отсутствие воли, направленной на

кристаллизацию политической рефлексии. Она сама не кристаллизуется.

И он тут же опять: «Ну, вы понимаете, при Сталине это было невозможно, после Сталина это было трудно». На что я вынужден был ему ответить – я, к сожалению, очень грубый человек: «Это было невозможно, потому что то, что сейчас еще живет в вас, в вашей рефлексии, в конечном счете сделало Сталина возможным. Отсутствие волевого интеллектуального начала не дает сейчас возможности написать книгу о вашей, о русской истории». Это огромное усилие – захотеть написать историю. Так или иначе, истории нет.

ВОПРОС: А может быть, просто нужно побольше времени для того, чтобы наступила эта стадия отжаренности?

Уверяю вас, время есть у всех, даже у меня. Господь нам дал время.

ВОПРОС: Есть мнение, что сейчас, например, нельзя писать про 90-е.

Если вам уже пришла в голову идея писать про 90-е – значит, все это у вас уже в голове. «Нельзя» – значит не так называемое существующее, объективное время, а ваш собственный мотивационно-волевой комплекс. Садитесь и пишите. Тацит жил в «сталинское» время Рима – «арестовали еще трех членов моей семьи, скоро придет очередь за

мною» – и писал историю, боясь, что она уйдет. Уйдет из его памяти и из памяти современников. Бойтесь ли вы, что какая-то история уйдет? Я думаю, что для каких-то людей это должно быть самым страшным страхом. Да что же, все это уйдет? Все это уйдет в никуда? Тацит, когда он писал историю, занимал крупнейшие государственные посты. Он был – ничего себе! – проконсулом Малой Азии, проконсулом в шести странах. Он был человеком, обладающим огромным политическим влиянием. И он сидел и писал. В нем был внутренний импульс писать историю, потому что без истории человека не существует. И когда говорят, что история никого ничему не учит – это правда только для тех, кто и без истории ничему не выучится, но неправда в смысле Тацита. У него есть совершенно замечательное определение, вот тут я абсолютно точен: «Что такое настоящий римлянин? Культурный римлянин, который видит свое время, непрерывно сохраняя его в памяти для сына, и который знает от своего отца время отца, который знает еще время деда». Что поделаешь, для меня говорить о Таците – это удовольствие.

Кто сказал, что я должен получать от чтения лекций удовольствие? Я должен учить студентов, а не получать удовольствие и ждать выхода в свет своей следующей статьи или книги. Это надо, кстати, знать многим преподавателям.

Расскажу про мой страшный опыт в университете в штате Айова, очаровательный штат. Я читал ребятам курс лекций «Введение в буддийскую философию» (это основная моя профессия). Они слушали, я смотрел на их лица, честно говоря, не получая при этом особого удовольствия. И я говорю: «Я хочу сделать маленькое введение по индийской истории с VIII по IV век до нашей эры и прошу – поднимите руки те из вас (их было около 30 человек), которые могут сказать имя, фамилию и занятие вашего прадеда – все равно, по мужской или женской линии». Две руки поднялись. Вы можете себе представить? Тогда я сказал: «А вашего деда?» Поднялось, скажем, четыре руки. Где их семейное прошлое? Студенты деисторизированны, вы понимаете? Хотя, конечно, если честно, с помощью ваших же кретинов-родителей. Тут я уже не могу удержаться, все-таки я начал свою сомнительную карьеру с преподавания истории в советской средней школе, и я знаю, что, ругая правительство, отделы народного образования, не надо забывать о дефективных родителях. И не Сталин их деисторизировал. Не надо все сваливать на Сталина. На, господи помилуй, Ельцина, Горбачева, Путина, наконец, у которых мысли такой не было вообще. Потому что у них вообще мыслей, видимо, не было такого типа. Это – родители и вы сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.